

УДК 94(470+571)

РУСЬ И КОЧЕВНИКИ В X – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XII вв.: ОТ ВОЕННОЙ КОНФРОНТАЦИИ К СОЮЗНИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

Ольга Александровна Клейменова

кандидат исторических наук, доцент

Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова,
Рязань, Российская Федерация

E-mail: kleymenova.rgmu@mail.ru

А н н о т а ц и я

Статья посвящена анализу отношений населения Древней Руси и кочевников (печенегов, торков, половцев) в X–первой трети XII вв. Проведенное исследование показало, что в указанный период взаимоотношения между кочевым и оседлым населением Древней Руси не сводились лишь к военной конфронтации, но и к мирным формам сотрудничества и взаимодействия, некоторым образом отразившиеся как на историческом развитии кочевых народов, так и на формировании древнерусской государственности. Своеобразие контактов между кочевыми и земледельческими народами во многом определило соперничество за политическое первенство на Руси. Разного рода союзы и альянсы заключались исходя главным образом из-за политической и экономической целесообразности. Военно-политическое партнерство стало сопровождаться брачными союзами, ориентированными на связывание договаривающихся сторон едиными семейными узами. Подобное явление стало впоследствии нередким явлением. Контактными субъектами выступали практически все социальные слои (высшая аристократия, военные, купцы, религиозные миссионеры). Более активное взаимодействие наблюдалось в тех регионах, где смешано проживали кочевники и земледельцы.

К л ю ч е в ы е с л о в а

кочевники, оседлое население, взаимоотношения, Древнерусское государство, Причерноморские степи, печенеги, половцы, торки, черные клобуки, дипломатия, конфронтация.

UDC 94(470+571)

ANCIENT RUS AND NOMADS IN THE 10th – FIRST THIRD OF THE 12th CENTURIES: FROM MILITARY CONFRONTATION TO ALLIED RELATIONS

Olga A. Kleymenova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Ryazan State Medical University named after academician I.P. Pavlov, Ryazan,
Russian Federation

E-mail: kleymenova.rgmu@mail.ru

Annotation

The article is devoted to the analysis of relations between the population of Ancient Rus and nomads (Pechenegs, Torks, Polovzy) in the Xth – first third of the XIIth centuries. The relevance of this topic is due to the fact that for a long time in in historiography the attitude towards the history of nomadic societies, which were classified as non-historical, prevailed. Hence, the multilateral nature of contacts between sedentary and steppe peoples often was reduced to a description of the predominantly military aspect of these relations. In pre-revolutionary works, it was traditional to contrast the nomads, as barbaric, uncivilized peoples, with the agricultural population, who, according to some researchers, had a higher level of development and culture. At the present stage, historians, archaeologists, ethnologists, etc. are engaged in the study of nomads, an interdisciplinary approach is postulated. The article emphasizes that contacts between the nomadic and sedentary population of Ancient Rus were not limited to military confrontation, but were completed by peaceful forms of cooperation and interaction, which affected both the historical development of nomadic peoples and the formation of Old Russian State. The rivalry for political supremacy in Ancient Rus largely determined the originality of contacts between nomadic and agricultural peoples. Military alliances were supported by peace treaties, accompanied by the conclusion of marriage alliances, which later becomes a frequent event. The contact persons were practically all social strata (the highest aristocracy, the military, merchants, religious missionaries). More active interaction was observed in those regions where nomads and farmers lived mixed.

Keywords

nomads, sedentary population, relationships, Old Russian State, Black Sea Steppes, Pechenegs, Cumans, Torcky, Chornyiclobuks, diplomacy, confrontation.

ВВЕДЕНИЕ

Географическое положение Древней Руси определило интенсивность и перманентный характер контактов оседлого населения с кочевыми этносами на протяжении анализируемого нами периода времени.. На просторах Причерноморских степей появлялись и активно воздействовали на социально-экономическое, политическое и культурное развитие восточнославянского общества хазары, печенеги, торки (гузы) и половцы. Соседство, различные формы взаимоотношений, мирный и военный характер контактов оседлых и степных народов отразились на внутривосточном развитии Древнерусского государства в период его становления и последующего развития. Необходимость изучения внешних факторов в формировании Древнерусского государства определяли научно-исследовательский поиск ученых, что лишней раз подчеркивает актуальность рассматриваемой нами темы. В отечественной историографии долгое время господствовало предвзятое отношение к истории кочевых обществ, которых относили к разряду неисторических. В дореволюционных трудах и в советское время традиционным было противопоставление кочевников как варварских, нецивилизованных народов оседло-земледельческому, достигшим на тот момент, по мнению ряда исследователей, более высокого уровня социально-экономического и культурного развития. Исследователями нередко как основной фактор, повлиявший на развитие политических институтов Руси, выделялась борьба с кочевниками. Отсюда и многосторонний характер контактов оседлых и степных народов зачастую сводился к описанию и анализу преимущественно военного аспекта этих взаимоотношений. Менее всего уделялось внимание изучению разнообразных контактов «мирного» характера двух цивилизаций и практически ничего не говорилось о позитивном влиянии кочевников на земледельцев, их культуру и образ жизни, формирование древнерусской государственности. Между тем, исследование данной научной проблемы требует междисциплинарного подхода и не удивительно, что на современном этапе изучением взаимодействия земледельческих и кочевых обществ, воздействия последних на формирование древнерусской государственности стали вплотную заниматься историки, археологи, этнологи и др. «Кочевнический» след, безусловно, имеет место в древней истории Руси.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалами для написания статьи послужили новые, а также заново обработанные архивные материалы. Использовались опубликованные работы отечественных ученых по проблематике исследования. В качестве методологических основ автор использовал комплекс важнейших принципов: принципы научности, историзма, системности и комплексности.

ОБСУЖДЕНИЕ

Проблема взаимоотношений тюркоязычных кочевников и населения Древней Руси, как выше мы отмечали, издавна находилась в центре внимания историков, археологов и этнографов. Еще в XVIII в. в отечественной науке закрепились

тенденция сведения их взаимодействия преимущественно к военной конфронтации и рассмотрению через призму борьбы «леса и степи». В. Татищев, проанализировав летописный материал, пришел к выводу, что набеги печенегов и половцев на земли Руси в значительной степени обуславливались постоянными междоусобицами русских князей и ослаблением вследствие этого их военной мощи (Татищев, 1962: 272-274). В его трудах встречаются и ценные свидетельства, не сохранившиеся в других источниках: в частности, одна из печенежских орд в 979 г. решила осесть в русском пограничье и, возможно, приняла подданство Руси.

Взгляд на кочевников как на заклятых нецивилизованных и диких врагов Руси доминировал в науке и в обществе также достаточно долгое время. С. Соловьев неслучайно акцентировал внимание на «борьбе леса и степи». Историк выделял Юго-Западную Русь, прежде всего Киевскую область, которая, по его мнению, была авансценой древней истории. Но именно близость к степи сделала ее неспособной стать государственным ядром для России и именно природа подготовила для этого Московскую область (Мавродина, 1983: 66–67). Однако уже в конце XIX в. в специальных исследованиях Н. Аристов и П. Голубовского, посвященных кочевникам Юго-Восточной Европы X–первой половины XIII вв., отмечалось, что многосторонний характер взаимоотношений степного и оседлого населения Руси не ограничивался только военными контактами (Голубовский, 1884: 70–72; 174–179). Впоследствии в науке, в частности, исторической, наблюдается явное повышение интереса к кочевнической проблематике и расширение тематики исследований.

В дореволюционной историографии появились работы, где уделялось особое внимание отдельным вопросам истории взаимоотношений степных этносов и Руси. Историческая наука советских времен внесла много ценного в дальнейшие исследования различных аспектов социально-экономической и политической истории кочевников в их взаимоотношениях с Древней Русью. В частности были преодолены устоявшиеся подходы к оценке кочевников как нецивилизованных и некультурных, подвергнута критике теория С. Соловьева, трактовавшего историю рассматриваемого нами периода только как «борьбу леса и степи» и в целом не видевшего позитивных моментов в соседстве и взаимодействии двух цивилизаций.

Разработка новых подходов в изучении проблемы не приветствовалась, так как в науке советского периода любое творчество на концептуальном уровне фактически было запрещено. Отход от формационного подхода, утрата марксистским учением статуса определяющей системы общественных и научных взглядов обусловили появление новых направлений в исследовании кочевых обществ.

Освещение особенностей контактов на пограничье Руси и Степи в ряде работ исследователей второй половины XX–начала XXI вв. имеет разную направленность. В частности, выделяются по своей концептуальности и широте взглядов на исследуемую проблему работы С. Плетневой, Г. Федорова-Давыдова, Ю. Худякова, О. Приходнюка, П. Толочко, А. Атавина, М. Андреевой, С. Гуркина, В. Флеровой, Е. Галкиной и др. (Клейменова, 2016: 182–183). В большинстве исследований акцентируется внимание на том, что отношения и взаимовлияния двух цивилизаций были многогранными и не сводились лишь к военным столкновениям. Отмечались и общие моменты, сближавшие два мира и определявшие новые формы

взаимовыгодного сотрудничества. По мере развития исторической науки выделилось несколько самостоятельных тем, требующих научного переосмысления уже на другом уровне, в других терминах и в новой научной парадигме.

Сегодня большинство исследований носит междисциплинарный характер, что значительно расширило круг вопросов и сформировало практику подключения разных видов источников. Зарубежные и отечественные кочевниковеды давно обращали внимание на взаимозависимость кочевых и земледельческих обществ. Близким к цивилизационному подходу является мир-системный, основоположником которого считают Ф. Броделя, представителя французской школы «Анналов». Данный научный подход позволяет проанализировать этнополитическое развитие человечества. Он получил распространение и в России. Историк, антрополог и археолог Н. Крадин анализирует взаимоотношения Руси и кочевого мира именно с этой позиции. Использование данных археологии, этнологии, антропологии, фольклора, лингвистики, топонимики и других смежных дисциплин дало возможность исследователям проследить более детально особенности формирования кочевых обществ на разных этапах их социально-политического и экономического развития, в частности, в X–первой трети XII вв.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Южнорусские земли издавна привлекали кочевые орды. Быт кочевников был милитаризованным. Кочевые народы отличались применением собственной тактики боевых действий. Интенсивность их набегов зависела от времени года и природных условий. Конница обеспечивала преимущество на открытых пространствах, но в лесной полосе пасовала перед пешей армией. К примеру, если печенегам не удавалось захватить древнерусский город сразу, они брали его в осаду, а защитников – измором (Моця, 1997: 10). Чаще всего набег кочевников происходили осенью. Имея большой боевой опыт и постоянно совершенствуясь в военном искусстве, они достаточно быстро приходят к пониманию необходимости выработки новой стратегии с целью захвата земледельцев и их продукции. И главным ее фактором становится неожиданность нападения. Так, торки, являвшиеся частью средневековых тюрков-огузов, кочевавших в причерноморских степях в X–XIII вв., долгое время применяли стратегию, похожую на печенежскую (нападение в осеннее время года). Торки, поменяв стратегию, стали нападать на земледельцев в любое время года (Бережинский, 2000: 21).

Земледельческие государства первоначально вступали в жестокие военные сражения с кочевыми племенами, но со временем они также меняли свою тактику в отношении нападавших номадов. С появлением нового кочевого народа оседлые государства стали стремиться установить с ним союзнические отношения, максимально использовать его военную силу. Наиболее эффективной такая тактика становилась при установлении вассальных отношений с земледельческим государством. На преимущества союзнических отношений с кочевниками и возможность использования их военного потенциала очень быстро обращают внимание правители оседлых государств. О нахождении печенегов на службе византийского императора пишет Константин Багрянородный (Латышев, Малицкий, 1934), считающий, что пока Византия находится в союзнических отношениях с печенегами, она

полностью защищена от северных держав, прежде всего, от Руси. Номады при этом имеют возможность контролировать не только передвижение вражеских войск, но и торговлю. В. Васильевский приводит такие факты: „Русские совсем не могут предпринять никакого похода вне своих границ, если они не находятся в мире с Печенегами; без позволения Печенегов они не могут приходить в Константинополь ни для торговли, ни с войною” (Васильевский, 1872: 118).

Византийская дипломатия играла не последнюю роль в обострении русско-печенежских отношений, постоянно пыталась вбить клин между ними. Еще больше способствовало ухудшению отношений между русскими и печенегами принятие Русью христианства. Печенеги на протяжении долгого времени являлись злейшим врагом древнерусского государства. Они постоянно опустошали Полянскую землю, значительный урон ими был нанесен южной Черниговщине, а также Переяславщине. В результате захвата земель на Переяславщине и поселения на ней кочевников на данной территории наблюдается изменение этнодемографического баланса: соотношение численности славянского и кочевого населения меняется в пользу кочевников. Поселения вассальных печенегов и торков были на Южной Киевщине, под Черниговом, Переяславом на Трубеже. Основным районом расселения служивых торков стал бассейн рек Рось и Росава (Машанова, 2002: 22).

Древнерусские князья пытались бороться против одних тюркских племен с помощью других. Привлечение на службу отдельных орд кочевников, которые назывались «свои поганые», в частности, в борьбе с половцами, становится со временем распространенным явлением в военных взаимоотношениях русских князей и степняков. Появляется и практика размещения тюркских военных гарнизонов в пограничных со степью районах. В южнорусских степях половцы со временем были вытеснены торками, которых в 1060 г. разгромили объединенные войска древнерусских князей. После этого торки уже не фигурируют как самостоятельная политическая сила. В 70–80-х гг. XI в. они, как и печенеги, обращались с просьбой предоставить место для поселения к киевскому князю, но, получив отказ, их ослабшие остатки влились в состав половецких орд.

Приблизительно в середине XII в. поросские вассалы киевских князей (торки, берендеи и печенеги) объединились в союз каракалпаков (черных клобуков), в который вошли небольшие орды коуи, капичи, турпей и бастии. Впоследствии к ним присоединились отдельные отряды половцев (Плетнева, 1990: 75). К этому времени уже существовали традиции образования заграждений из отрядов кочевников на Руси (Черниговщина), которые все чаще стали строить русские князья. Приграничные земли также укреплялись поселениями «своих поганых». Их имели Киевское, Черниговское, Владимиро-Суздальское и Переяславское княжества, использовавшие кочевников для защиты своих земель. К примеру, черные клобуки неоднократно отражали набеги кипчаков на Киевскую и Переяславскую земли, иногда даже самостоятельно (Каргалов, 2008: 90). С ними у древнерусских князей установились абсолютно иные взаимоотношения, чем с печенегами или половцами. Черные клобуки находились под защитой русских княжеств. Есть сведения о наличии у них специальных городищ. Укрепления эти имели небольшие размеры и были построены русскими для защиты черных клобуков от степных половцев (Расовский, 2002: 133). Формировались и настоящие городские центры, например, столица Торческ.

Население Поросья было полуоседлым и достаточно пестрым по этническому составу. Об отношениях черноклобуцкого населения Поросья и древнерусских князей нельзя сказать, что они были идиллическими, но их можно назвать, насколько это возможно, добрососедскими. Дело в том, что кочевое население Поросья оказалось в пределах Руси не в результате военных сражений, а путем договоренностей с русскими князьями, что дало повод говорить о мирном вхождении тюркских племен в государственно-территориальную и этническую структуру Руси (Толочко, 1999: 136). Обладая незаурядными боевыми навыками, черные клобуки сыграли исключительную роль в военно-политической жизни южной Руси. Когда было необходимо неожиданно поразить врага, клобуки становились незаменимыми, «никто лучше их не мог разведывать о положении врага, никто ловчее не умел пробраться в неприятельский стан» (Валянский, Калюжный, 2001: 139). Можно также отметить и значимую роль, например, торков в противостоянии половецкой агрессии (Урбан, 2001: 131).

Номады нередко добивались более самостоятельного политического положения и даже влияли на процесс выбора киевского князя. Черные клобуки при этом практически никогда не нарушали верность своему сюзеру. Со временем их верхушка переходит в ряды переяславского и черниговского боярства, а низы кочевого люда ассимилируются этнически и социально с русским сельским земледельческим населением (Мавродин, 2002: 247). Мирная жизнь и совместное проживание на одной территории, безусловно, сказываются на психологии и боевом потенциале кочевников. В этой связи даже получила распространение точка зрения, согласно которой варвары в результате перехода на службу извечных своих противников становились слабее в военном отношении, так как отсутствие самой возможности насильственной добычи постоянного дохода подрывала их агрессивность и боеспособность (Тойнби, 2003: 32).

Одним из самых боеспособных варваров в древней истории являлись половцы, которые появляются в середине XI в. и закрепляются на южных границах Древнерусского государства. Первые столкновения русичей с ними показали, что новый противник опасен и непредсказуем. Традиционными приемами ведения боя варваров были отступление (притворное), засада, обход противника с флангов и окружение (Пилипчук, 2013: 187–188). После трагических событий на р. Альте 1068 г., где важную роль сыграл фактор неожиданности (половецкое нападение началось ночью), триумvirат Ярославичей дал трещину. Именно половцы своим вторжением обострили назревавшие противоречия в русских княжествах. В конце XI – начале XII вв. складываются два объединения половцев – Донское во главе с Шаруканем и Приднепровское, возглавляемое Боняком. Однако организация широкомасштабного натиска на русские земли вплоть до конца XI в., по мнению исследователей, была не только не по силам половцам, но и в принципе не отвечала их жизненным интересам (Инков, 2014: 35). Обоюдные боевые атаки друг на друга стали постоянным явлением в указанный период времени. Древнерусские летописи зафиксировали на протяжении второй половины XI – XII вв. 34 половецких набега на южнославянские княжества, а в XII в. – 22 похода древнерусских князей на половцев (Мургулия, Шушарин, 1998: 62). Начиная с 30-х гг. и вплоть до 80-х гг. XII в. кипчаки постоянно участвовали в междоусобицах русских князей.

Извечное соперничество за политическое первенство на Руси между князьями продолжалось, для достижения своих целей они налаживают новые формы союзнических отношений между кочевой и оседлой элитой. Нередкими становятся брачные союзы подданных русских княжеств с половчанками. Сам князь Владимир Мономах посредством браков своих сыновей, к примеру, породнился с половецкими ханами Аепой и Тугорканом. На определенном этапе истории необходимость борьбы с кочевниками способствовала усилению великокняжеской власти. В дальнейшем отмечается противоположная тенденция: в борьбе за политическую власть князья пытаются найти союзников в степи и уже не выступают единым фронтом против пришельцев. Владетели кочевых племен сами ищут выгодные союзы с разрозненными русскими князьями. Так, половецкие ханы заключили союзы с черниговскими, галицкими и суздальскими князьями против киевских, поскольку последние опирались на торков (Гумилев, 2002: 115). Во второй половине XII в. половцы разграбили Черниговское, окраины Переяславского княжества, в 1169 г. взяли Киев.

Становление Древнерусского государства на Днепре определило новую ситуацию. Борьба с кочевниками влияла на авторитет князя, так как наивысшей добродетелью всегда считалась защита родной земли от врагов, прежде всего, от хищных половецких ханов (Котляр, 1998: 7). Летописцы домонгольского периода в большинстве случаев рассматривали войны с иноплеменниками как борьбу богоугодную, праведную. В то же время летописцы того времени неприязненно относились к истощающим и длительным походам (в особенности на другую территорию), подрывающим, по их мнению, внутреннюю безопасность Руси, приводящим к ослаблению власти князей и создающим опасные реалии для развязывания гражданской войны. Так, Владимир Мономах вошел в историю как решительный правитель, реализовавший ряд победоносных походов в степь. При этом одним из главных мотивов этой борьбы, как отмечают историки, могла стать забота о смердах, находившихся под постоянной угрозой набега степняков (Ищенко, 2016: 24).

В VIII–IX вв. границы славянской оседлости под давлением кочевых народов продвинулись на север и установились по линии р. Стугна (Томилович, 1998: 37). Набеги кочевников активизировали строительство городов у славян, военных укреплений, так как древнерусские князья были вынуждены думать о защите, прежде всего, южных границ государства «начаставити города по Десне, и по востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. Владимир для защиты южной границы Руси от печенегов строил новые города-крепости. Настоящим «щитом земли Русской» стал город Белгород на р. Ирпень (Печенежские войны, 1998: 18). Посульская оборонительная линия в период наибольшего расцвета включала до 18 городов-крепостей. В 30-х гг. XI в. закладывается Поросская оборонительная линия, ее общая протяженность составила примерно 300 км.

В этот период в русских княжествах наблюдается интенсивность миграционных процессов. Усиливается переселение «лучших мужей» из северных районов восточнославянской ойкумены на юг для обороны от кочевников (Моця, 2006: 7). В пограничных областях возводятся сторожевые крепости, имевшие военные гарнизоны, игравшие роль форпоста на границах государства. Строительство подобных сооружений отмечается со второй половины X в., но особенно высокими темпами их возведение идет в XII в. Характерно, что возведение большинства укрепленных

поселений Киевской Руси было подчинено рельефу местности. Самым распространенным в то время во всех районах Руси был мысовый тип укреплений. В южных районах Руси в XII в. доминировали крепости с несколькими линиями обороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, взаимоотношения оседлых и кочевых народов Древней Руси в X–XII вв. не исчерпываются только военной конфронтацией, но дополняются и мирными формами, обусловленными необходимостью налаживания добрососедских отношений. При этом кочевники, впрочем, так же как и земледельцы, не отличались постоянством политических ориентаций, нередко выступали союзниками разных соперничающих или воюющих сторон, главным образом, в обмен на возможность получения добычи или даров. Историки, выделяя периоды войны и мира, тем не менее, отмечают, что четкой и однозначной границы между ними не было. Народы постоянно находились в перманентном состоянии войны и мира. Развивавшиеся в мирное время торговые связи обеспечивали кочевников и земледельцев товарами, в которых они традиционно нуждались. Контроль над важными торговыми путями способствовал развитию военного искусства кочевников и определял, в свою очередь, необходимость совместных усилий князей как гарантов безопасной торговли.

Многочисленные источники отражают торговые, политические, военные и матримониальные контакты двух разных, самобытных и уникальных, миров. Контакты между кочевым и оседлым населением Древней Руси в исследуемый период наблюдались в разных сферах и имели характер взаимовлияний, что отразилось как на историческом развитии кочевых народов, так и на становлении и развитии Древнерусского государства.

Номады, контактируя с развитыми государствами, прежде всего с Русью и Византией, стремились максимально сохранить кочевые традиции, компенсируя отсутствие собственной продукции земледелия военными трофеями, активизировали свое участие в торговле, в частности, посреднической.

Кочевые народы прошли разные по срокам периоды ассимиляции. Для торков характерна более быстрая ассимиляция славянским окружением. Они осуществили переход к полукочевому типу кочевничества, минуя полукочевую. Феномен черных клобуков, которые со временем становятся для русичей «своими погаными», во многом был определен не столько внутренними обстоятельствами, сколько необходимостью выживания перед лицом новой угрозы в лице половцев. Этот народ, имевший достаточно длинную и разнообразную историю взаимоотношений с земледельческими государствами (Русью, Византией и Грузией), смог еще долгое время сохранять на историческом пространстве свою уникальность. Контактными субъектами были практически все социальные слои (высшая аристократия, военные, купцы, религиозные миссионеры). Более активное взаимодействие наблюдалось в тех регионах, где проживали смешанно кочевники и земледельцы (Поросье, Северщина и Переяславщина). Под влиянием земледельческого населения кочевники начали переходить к полукочевому образу жизни, заимствуя элементы земледелия, ремесла, языка.

Литература

- Бережинский, В.Г. (2000). *Войны Киевской Руси с торками*. Киев: НИЦ ГП ВСУ.
- Валянский, С.И., Калужный Д.В. (2001). *Другая история Руси. От Европы до Монголии*. М.: Вече.
- Васильевский, В.Г. (1872). Византия и печенеги (1048–1094). *Журнал Министерства Народного Просвещения*, Часть 164. СПб: Тип. Имп. Акад. наук.
- Голубовский, П.В. (1884). *Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв.* Киев: Университетская типография И.И. Завадского.
- Гумилев, Л.Н. (2002). *Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи*. М.: Айрис-пресс.
- Инков, А.А. (2014). Половецкие набеги на Русь во второй половине XI века. *Научные труды Московского гуманитарного университета*. № 2. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета.
- Ищенко, А.С. (2016). Владимир Мономах глазами современников и потомков: формирование и эволюция мифологического образа. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского*. № 5. Нижний Новгород: издательство Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского.
- Каргалов, В. (2008). *Русь и кочевники*. М.: Вече.
- Клейменова, О.А. (2016). *Проблемы изучения и оценки взаимоотношений Древней Руси и кочевников*. Сборник научных трудов кафедр гуманитарных дисциплин. Вып.17. Рязань: РИО РязГМУ.
- Котляр, М.Ф. (1998). Як і чому настала удільна роздробленість на Русі (XII–XIII ст.). *Історичні зошити*. Киев: Інститут історії України НАН України.
- Латышев, В.В., Малицкий, И.В. Сочинение Константина Багрянородного «Об управлении государством» (1934). Известия византийских писателей о Северном Причерноморье (выпуск первый). *Известия Государственной Академии истории материальной культуры*, 91.
- Мавродин, В.В. (2002). *Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века)*. СПб.: Наука.
- Мавродина, Р.М. (1983). *Киевская Русь и кочевники (печенеги, торки, половцы): историографический очерк*. М.–Л.: Наука.
- Машанова, Л.В. (2002) *Россия и Восток: контакты, взаимодействия (IX–XVII вв.)*. М.: ГУУ.
- Моця, А.П. (1997) *Кочевники Причерноморья на рубеже тысячелетий (венгры, печенеги, торки)*. Николаев: Возможности Киммерии.
- Мургулия, М.П., Шушарин, В.П. (1998). *Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках*. М: Типография РАН
- Печенежские войны X–XI вв.* (1998). Сборник. М.: Вече.
- Пилипчук, Я.В. (2013). Военное искусство кипчаков. *Тюркские кочевники Евразии (кимаки, кипчаки, половцы)*. Вып.2. Казань: Ихлас, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ.
- Плетнева, С.А. (1990). *Половцы*. М.: Наука.
- Расовский, Д. (2002) *Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии (Из истории русской культуры*. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь). М.: Языки славянской культуры.
- Татищев, В.Н. (1962) *История Российская*. Т.1. М.–Л.: АН СССР.
- Тойнби, А. Д. (2003). *Цивилизация перед судом истории*. Сборник. М.: Айрис-пресс.
- Толочко, П.П. (1999). *Кочевые народы степей и Киевская Русь*. Киев: Абрис.
- Томілович, Л. (1999). Пороська земля перед та післямонгольської навали. *Історія в школі*. № 8–9.
- Урбан, В.В. (2001). *Кочевники Восточной Европы*. Донецк: Изд-во ДонНУ.

References

- Berezhinsky, V.G. (2000). *Wars of Kievan Rus with torques*. Kiev: Research Center of the State Enterprise of the Armed Forces of Ukraine. (in Russian).
- Valyansky, S.I.&D.V. Kalyuzhny (2001). *Another history of Russia. From Europe to Mongolia*. M.: Veche. (in Russian).
- Vasilievsky, V.G. (1872). Byzantium and Pechenegs (1048–1094). *Journal of the Ministry of Public Education*, Part 164.SPb: Type. Imp. Acad. Science. (in Russian).
- Golubovsky, P.V. (1884). *Pechenegs, Torks and Polovtsians before the invasion of the Tatars. History of the South Russian steppes in the 9th-13th centuries*. Kiev: University printing house of I.I. Zavadsky. (in Russian).
- Gumilev, L.N. (2002). *Black Legend: Friends and Foes of the Great Steppe*. M.: Iris-press. (in Russian).
- Inkov, A.A. (2014). Polovtsian raids on Russia in the second half of the 11th century. *Scientific works of the Moscow University for the Humanities*. No. 2. M.: Publishing house of the Moscow University for the Humanities. (in Russian).
- Ishchenko, A.S. (2016). Vladimir Monomakh through the eyes of contemporaries and descendants: the formation and evolution of a mythological image. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky*. No. 5. Nizhny Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. (in Russian).
- Kargalov, V. (2008). *Russia and nomads*. M.: Veche. (in Russian).
- Kleymenova, O.A. (2016) *Problems of studying and assessing the relationship between Ancient Rus and nomads*. Collection of scientific works of the departments of humanitarian disciplines. Issue 17. Ryazan: RIO RyazGMU. (in Russian).
- Kotlyar, M.F. (1998). For some reason, fragmentation has come in Russia (XII–XIII centuries). *Historical zoshiti*. Kiev: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine. (in Ukrainian).
- Latyshev, V.V., Malitsky, I.V. The composition of Konstantin Porphyrogenitus “On the government” (1934). News of Byzantine writers about the Northern Black Sea region (first edition). *Bulletin of the State Academy of the History of Material Culture*, 91. (in Russian).
- Mashanova, L.V. (2002) *Russia and the East: contacts, interactions (IX–XVII centuries)*. M.: GUU. (in Russian).
- Mavrodin, V.V. (2002). *Essays on the history of the Left Bank Ukraine (from ancient times to the second half of the XIV century)*. SPb.: Science. (in Russian).
- Mavrodin, R.M. (1983). *Kievan Rus and nomads (Pechenegs, Torks, Polovtsians): a historiographical sketch*. M.–L.: Science. (in Russian).
- Motsya, A.P. (1997). *Nomads of the Black Sea region at the turn of the millennium (Hungarians, Pechenegs, Torks)*. Nikolaev: Possibilities of Cimmeria. (in Russian).
- Murgulia, M.P., Shusharin, V.P. (1998). *Polovtsy, Georgia, Russia and Hungary in the XII–XIII centuries*. M: Typography RAS. (in Russian).
- Pechenezh wars of the 10th-11th centuries* (1998). Collection. M.: Veche. (in Russian).
- Pilipchuk, Ya.V. (2013). Military art of the Kipchaks. *Turkic nomads of Eurasia (Kimaks, Kipchaks, Polovtsians)*. Issue 2. Kazan: Ikhlas, Sh. Mardzhani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. (in Russian).
- Pletnev, S.A. (1990). *Polovtsi*. M.: Science. (in Russian).

Rasovsky, D. (2002) *Pechenegs, Torks and Berendei in Russia and Ugria (From the history of Russian culture. Vol. II. Book 1. Kiev and Moscow Russia)*. M.: Languages of Slavic culture. (in Russian).

Tatishchev, V.N. (1962). *Russian History*. Vol. 1. M.-L. : Academy of Sciences of the USSR. (in Russian).

Toynbee, A.D. (2003). *Civilization before the judgment of history*. Collection. M.: Iris-press. (in Russian).

Tolochko, P.P. (1999). *Nomadic peoples of the steppes and Kievan Rus*. Kiev: Outline. (in Russian).

Tomilovich, L. (1999). Piggy land before that pislya Mongolian bulk. *History in schools*. No. 8-9. (in Ukrainian).

Urban, V.V. (2001). *Nomads of Eastern Europe*. Donetsk: Publishing house of DonNU. (in Russian).